

Элитное образование в МГИМО(У): философско-культурологические подходы к проблеме качества образования

М.В. Силантьева

Статья посвящена исследованию роли и функций философских дисциплин в образовательном пространстве современного элитного вуза. Прослеживается преемственность образовательных моделей в отечественной и зарубежной практике; анализируются инновационные процессы в данной сфере. Выделена специфика философии культуры как учебной дисциплины формата «исследовательского университета», способствующей повышению качества образования в условиях выхода из глобального экономического кризиса.

В наши дни – быть может, в силу их кризисного характера, – философия как учебная дисциплина вызывает повышенный интерес в среде учащихся элитных вузов. Вопрос о ее месте в структуре современного образования позволяет обратить внимание на основные пути реструктуризации системы российского вузовского образования и науки, осмыслив некоторые предварительные итоги той острой дискуссии, которая идет в научном мире по данной проблематике.

Одна из ключевых позиций сформулирована Ректором МГИМО (У), академиком РАН А.В. Торкуновым. С его точки зрения, ключевой фигурой в образовательном пространстве современного российского вуза, ориентированного на качественное образование, является «преподаватель, профессиональный и мудрый наставник». От такого педагога требуется не только способность предложить студенту некоторую информацию для усвоения и размышления. Он должен быть в состоянии научить «чувствовать нюансы» происходящего, опираясь на «логику объяснения через оперирование фактами»¹. Преподаватель философии сквозь призму данной установки – «проводник» содержательных оценок и мировоззренческих подходов, важных для формирования настоящего специалиста, профессионалов своего дела, не меньше, чем знание

иностраных языков и специальных предметов. А философия международных отношений, в свою очередь, – не выдумка досужих ученых голов, но реальная подоплека деятельности всякой «внешнеполитической элиты»².

Как известно, философия сегодня не встроена в контекст «пропускных» идеологических предметов. На эту роль претендуют ныне «светская теология» и – в значительно более скромных масштабах, – «светская этика»³. С другой стороны, она охотно поддерживает «дочерние» дисциплины – логику, психологию, историю и философию науки, философию культуры и культурологию. Несмотря на то, что предмет «философия» в учебных стандартах третьего поколения относится к разделу так называемого «федерального компонента», вузам (разумеется, финансово состоятельным) предоставлена этим документом широкая возможность пополнять список необходимых гуманитарных дисциплин, в том числе и за счет родственных философии учебных предметов.

Надо отметить, что в МГИМО (У) подобная практика – не новость. Так, в структуре Университета важное место с давних пор занимает кафедра истории мировой литературы и культуры под руководством Ю.П. Вяземского, чья деятельность оказывает прямое и непосредственное влияние на тот высокий уровень культуры и эру-

■ Образовательные модели МГИМО

диции, который отличает выпускника МГИМО. Отличает (причем – заметно!) даже от уровня выпускников других элитных вузов страны, не говоря уже о среднестатистическом специалисте в области права, журналистики и т.п.

Свою лепту в реализацию проекта элитного образования вносят все без исключения кафедры МГИМО (У), включая языковые и специальные. Однако их сотрудничество с «зубрами» нашей университетской гуманитаристики – кафедрами философии, социологии, дипломатии, истории – может и должно развиваться. Один из проектов такого развития был реализован сравнительно недавно в Учебно-методическом комплексе «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (под ред. В.С. Глаголева - М., МГИМО, 2010). В этом же ряду стоят такие научно-учебные издания, как «Перспективы цивилизации. Философские проблемы» (под ред. Г.Ф. Хрустова, А.В. Шестопала - М., МГИМО, 2009) и, разумеется, книга «Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем» (под редакцией И.Г. Тюлина - М., МГИМО, 2004), а также многие другие работы творческого научно-педагогического корпуса нашего Университета. Все перечисленные издания, на мой взгляд, объединив специалистов разных областей, удачно решили задачу соединения научной проблематизации подходов с четким и ясным стилем изложения, что позволяет работать с этими книгами учащимся – студентам, магистрантам и аспирантам.

Кстати, одна из ранних попыток приспособить философию к «господствующему научному мировоззрению» (вера во всемогущество позитивизма здесь просматривается довольно отчетливо) в свое время, как известно, повлекла изменение учебных программ, вследствие чего магистранты и аспиранты осваивают теперь историю и философию науки. Данная дисциплина, как известно, сравнительно молода. Она аккумулирует выводы, полученные философами, логиками и методологами науки в течение последних 100 лет. При этом недостаток «временной дистанции» по отношению к изучаемому материалу отчасти уравновешивается массивом исследовательских и учебно-методических работ, посвящаемых методологической проблематике. Как шутят преподаватели философии, тиражи соответствующих учебных пособий многократно превосходят общее количество книг едва ли не всех мыслителей мира, вместе взятых.

Примечательно, что подобным образом «отталкивается» от философии, прежде всего, академическая научная среда, «по определению» далекая от всякой идеологической ангажированности. Причина «отталкивания» довольно прозрачна: большинство нынешних корифеев науки в свое время проходили через «идейные фильтры» причудливых парафилософских мутаций советского периода. Познакомившись с философией в ее «отягченном» марксизмом-ленинизмом-сталинизмом варианте, они, по

понятным причинам, приобрели устойчивую идиосинкразию к данной учебной дисциплине⁴.

Таким образом, выведение философии на (и «за») границы учебно-педагогического процесса в ряде негуманитарных вузов сопряжено, в первую очередь, с тем, что можно обозначить как «казус узнавания». Уже давно никого не сажают в тюрьму за «немарксистскую научную платформу», однако «священный ужас» по отношению к всемогуществу идеологических догм продолжает процветать на давно оставленную ими идейную территорию.

К слову сказать, получившие серьезное образование ученые, те самые, естественники и гуманитарии, которые представляют академические круги, без лишней акцентировки демонстрируют свободное владение категориальным аппаратом мировой философской мысли. Как правило, обходя при этом вопрос, откуда, собственно, берется необходимый уровень теоретического мышления в науке – «из нее самой» или же дело обстоит несколько сложнее?

В самом деле: «логика предмета» способна, конечно, подвести выдающегося интеллектуала (скажем, А. Эйнштейна) к категориальному уровню осмысления процессов действительности. Однако большинство представителей новоевропейской науки все-таки не изобретали «философский велосипед» самостоятельно, а знакомились с историей мысли в рамках соответствующего учебного курса, - кстати, старейшего в рамках университетского образования. И по сей день хорошее (а тем более элитное) образование во всем мире предполагает его освоение. Причем, что особенно важно, такое освоение происходит путем знакомства с первоисточниками, а не с их пересказом или толкованием.

Комментарии приветствуются; однако они не должны превращать знание проблем философии в знание-«second-hand». Напротив, массовое (в смысле «не-элитное») высшее образование активно обращается к этому источнику, постепенно понижая планку гуманитарного «техминимума» почти до нуля. Официальные объяснения в большинстве случаев просты. Они сводятся до нехитрой констатации на уровне здравого смысла: «болтовня» ныне не в цене; нужны «умения» и «навыки», а не абстрактное теоретизирование, «мысли». Понятно, что в данном случае речь не идет о преподавании философии. Скорее, имеет место оправданный отказ от преподавания ее суррогатов.

Рассмотрение процессов, происходящих в высшей школе ведущих стран мира (например, США) обнаруживает ряд параллельных явлений. В частности, комментатор студенческого Интернет-обозрения на сайте Университета штата Вирджиния Эшли Чаппо прямо связывает дегуманитаризацию современного американского образования с политикой Барака Обамы, отдающего «приоритет математике и экономике; в крайнем случае – технике» («особенно для женщин и этноменьшинств»). При этом, по его мне-

нию, страдает как общий уровень теоретического мышления студентов, их кругозор и методологическая компетентность, так и набор личных качеств, необходимых для жизни в современном мире. В процессе обсуждения статьи Чаппо студенты в целом соглашались с его суждениями, однако замечают: для того, чтобы изучать гуманитарные дисциплины, «достаточно комнаты и книги» (и вовсе не обязательно платить 30.000 долларов за обучение в вузе), - тогда как освоение технических специальностей «требует дорогостоящего специализированного оборудования».

В ответ оппоненты высказывают свои соображения по двум основным направлениям. Во-первых, изучение математики (да и экономики тоже) не связано напрямую с освоением дорогостоящего оборудования. Во-вторых, изучение, например, арабского языка (от себя добавим: и любой другой лингвокультуры, как и культуры вообще) невозможно без помощи «профессора»⁵, - то есть специалиста, сотрудничество с которым «дорогостоящее». Что же касается элитных вузов, типа Принстона (и других университетов США, входящих в «Лигу плюща»), в Европе - Оксфорда или Сорбонны, - то они сознательно поддерживают устойчивые позиции гуманитарного знания в системе своих учебных программ.

Так, Принстон в своей образовательной политике реализует традиционную модель университетского образования как образования разностороннего, требующего освоения некоторой части гуманитарных наук студентами всех факультетов и направлений (например, литературу изучают все первокурсники)⁶.

Учащиеся технического направления средних школ во Франции еще до поступления в вуз обязаны штудировать, наряду с французским языком и другими предметами, философию⁷.

В Германии для освоения «прикладных» (в некотором смысле «технических») гуманитарных дисциплин (скажем, политологии) необходимо 2 года обучаться на философском факультете и «набрать соответствующее количество баллов»⁸.

В целом усиление междисциплинарности (невозможное без освоения интегрирующего знания ингредиентов, - таких, как философия), - черта современной науки и образования. Это побудило ЮНЕСКО с середины 1960-ых гг. выдвинуть в качестве обязательного требования ко всем странам-членам данного объединения включение в образовательные программы формата междисциплинарности⁹.

По-своему показателен тот факт, что солидные представители философии в России вообще склонны обходить молчанием сегодняшний «спор факультетов», на гребне которого философию потихоньку вытесняют в ее нынешние «околонаучные пределы». Молчать об этом принято еще и потому, что явная поддержка соответствующих структур - особый вопрос профессиональной этики, не всегда легко разрешимый «в рамках нашего мирового зона» и требующий капитальной «перезагрузки» всего массива со-

циально-значимых установок.

Вместе с тем, предмет спора - нужна или не нужна истина для разрешения конкретных прикладных задач, прежде всего экономического порядка, - в некотором смысле фикция. Ибо не существует такой сферы деятельности, которая могла бы обойтись сегодня, в век глобализации и информационной революции, без опоры на соответствующий круг знаний. А знания, даже если они совсем не претендуют на абсолютную истинность, не могут оставаться простым набором предпочтений. Иначе теряется всякое их отношение к действительности и, следовательно, прощай эффективность в решении прикладных задач!

Итак, можно ли, в конце концов, заключить: то, что принимают за философию представители не-элитного образования, «борясь» с ней, философией не является? Или все-таки вузовская философия, «мимикрируя» (под историю и философию науки и т.п.), все-таки выполняет свою «бесполезную» задачу беспокоить умы «несъедобными» вопросами?

Трудно, конечно, не согласиться с утверждениями критиков о том, что философия мешает человеку приспособиться к современному ритму жизни. Ритм этот, действительно, требует свободного владения технологиями манипулирования и ориентации на безудержный прагматизм больше, чем любви к мудрости и стремления к истине¹⁰. Но когда было иначе? Трудно спорить также, что обращение к изучению философии еще не гарантирует «правильной» ориентации обучаемого, его умения динамично справляться с текущими проблемами. Ценности «не включены» в философское знание как нечто неизменное, сакрализованное, раз и навсегда данное - их еще нужно обрести. Подобная «осторожная» гносеологическая стратегия явно не способствует комфортности условий проживания человека на Земле: задача добыть пищу, устроить жилище и не подрасться при этом решается и без участия учения о первоначалах бытия.

Но разве отстраненный от «голой прагматики» подход, опирающийся на ценность знания самого по себе, не есть кредо самой науки? Так что же остается в сегодняшнем вузе от философии? И остается ли?

История и философия науки, - как прикладная философия, - несомненно, в определенной мере восполняет «миниатюризацию» присутствия философии как учебной дисциплины. В самом деле: неплохо, когда математик знает о путях развития математики, начиная со времен пифагореизма. По своему замечательно стремление физика (равно как и инженера-практика) уловить исторические особенности формирования взглядов на природу со времен «первого физика» Фалеса. Продуктивно желание дипломата разобраться в трактовке социальных явлений умнейшими людьми, жившими в прошлые - но отнюдь не «отсталые», - века. Не менее ценным представляется умение любого специалиста

■ Образовательные модели МГИМО

отличить субъект (себя) от объекта (например, кнопки, на которую надо или не надо нажимать).

Это позволяет, в том числе, минимизировать риск техногенных катастроф, возникающих из «постмодернистского состояния знания», пробуждая чувство ответственности и закрепляя это чувство, не вредное для удержания минимума социальной солидарности, на уровне ценностных ориентиров индивидуума. В противном случае «псюхе» (слишком часто, к сожалению), превращается в тот самый «субъективный фактор» - причину взрывов, летных происшествий и других необратимых явлений. По сути, дело философии здесь – обеспечить дифференциацию смыслов и освоение соответствующих им понятий. Дело, важнейшее для ориентации в культуре всякого, кто сопрягает свою жизнь не только с «голым потребительством» и удержанием любой ценой витального уровня существования (в терминологии Т. Гоббса «война всех против всех»), но претендует на участие в жизни общества более зрелого типа.

Таким образом, история и философия науки, сосредотачивая внимание слушателей на развитии знания, его устойчивых и переходных формах и т.д., несомненно, вносит большой вклад в становление специалиста любой области. Выполняя, вместе с тем, роль ретранслятора философских подходов, не сводимых ни ко «всеобщей научной методологии», ни к открытию «наиболее общих законов природы, общества и мышления».

Недаром, видимо, известный специалист в области космогонии, теории языкознания и социального строительства Платон заявил: «Философия – это наука наук и искусство искусств». Данное определение, между прочим, очень любил цитировать на Руси со времен возникновения у нас письменности. М.Н. Громов приводит такой перевод высказывания из книги Иоанна Дамаскина «Источник знания» (высказывания, воспроизводящего приведенное выше платоновское выражение): философия есть «художество художеством» (наука наук, целостное теоретическое знание) и «хитрость хитростем» (искусство искусств, «хитрость – ремесло, алгоритмизированное умение, - на грани колдовства; ср. средневековое название науки в Европе: «естественная магия»)¹¹.

Так что же значит сегодня наука? Чем она отличается от своей тезки – науки Нового времени? Почему образованный человек в наши дни не может ограничиться умением читать рекламу, технично разбираться в гостиничном бизнесе и ликбезом в области естествознания, - но обязательно должен ориентироваться в «глобальных потоках» научной информации и движении «социального капитала» в различных областях? Зачем, в конце концов, специалисту-международнику «грузиться» проблемами философии науки, коль скоро его собственное научное поле принадлежит скорее сфере искусства, чем точному знанию?

Ответ на поставленные вопросы не столь очевиден, как это может показаться на первый взгляд. И дело даже не в том, что области «чистой» науки и «чистого» искусства сегодня удивительным образом, вплоть до взаимопроникновения, соприкасаются. И даже не в том, что эта их «философизация» стала чертой времени, а не случайной флуктуацией в истории знания. Но прежде всего потому, что в наши дни зависимость знания от социокультурного контекста становится столь явной, что игнорировать данный факт больше не представляется возможным. Вот почему философия нередко «прячется» под маской своей, казалось бы, дальней родственницы – философии науки. Однако философия науки здесь – не исключение.

Еще одной распространенной «маской» философии является философия культуры. Последняя, охватывая *целое* культуры, выступает в качестве метатеории по отношению не только к «неестественным» социогуманитарным наукам, но также по отношению к некогда более «респектабельному» естествознанию (например, в анализе зависимости открытий физика от мировоззренческой парадигмы или реалий политического строя, при котором ему довелось жить). Можно сказать, что подтвердились прогнозы неокантианцев начала 20 века, высказанные относительно судьбы «наук о культуре». Философия культуры «вмонтирована» - вольно или невольно, - в любые философские, естественнонаучные и социогуманитарные изыскания. Сегодня она, пожалуй, одна из немногих дисциплин, охватывающих вопрос о сущности происходящего с человеком сквозь призму удивленного внимания к самому человеку, среде его обитания и возможному смыслу всего происходящего: «кто я, откуда и куда иду?» (Н. Бердяев), почему и зачем?

Никакая наука *сама по себе* эти вопросы не задает, - они не органичны для нее, обесценивают многие из ее открытий как потенциально опасные (а в свете глобальных проблем современности – даже «вредные», грозящие катастрофической гибелью всего человечества по принципу «горе от ума»). Именно философия культуры, а не этика или аксиология, обозначает в данном контексте направление, по которому ведутся поиски этических ориентиров научного знания, ибо перечисленные «отрасли» философского знания, вопреки распространенному стереотипу, не включают в себя с необходимостью элемент компаративизма («вертикального» (исторического) и «горизонтального» (регионального)). А ведь именно он позволяет философии культуры претендовать на разработку «нового синтеза» познавательных стратегий современности.

С другой стороны, методологический и особенно мировоззренческий потенциал философии, ярко выраженный в дисциплинарном подходе как истории и философии науки, так и философии культуры, не исчерпан и в наши

дни. Философия как особая форма знания всегда помогала личности удерживать «вектор» духовного развития, не позволяя впасть в «профессиональный кретинизм» - известную ситуацию замкнутости специалиста на ценности своих узких профессиональных достижений. Если в случае психологического переживания данной ситуации человек еще может как-то ей сопротивляться «своими силами», - то в случае решения собственно профессиональных задач, требующих наличия определенного уровня теоретического мышления, «скорая помощь» философии - отнюдь не лишняя¹².

Для специалиста-международника задача усложняется тем, что его широкая эрудиция и гибкая коммуникабельность должны постоянно подкрепляться усилием, поддерживающим духовную целостность личности. Интеллектуальная составляющая этого усилия во многом опирается на знание реалий «чужих культур» (невозможное без хорошего знания и понимания культуры собственной). Вместе с тем, эта интеллектуальная составляющая обязательно включает в себя стремление к мудрости, умение *слушать*, вникать и сопоставлять, - а не только манифестировать себя в бесконечном и все более разнообразном общении. Только при этих условиях «наука международного» (дипломата, юриста, журналиста, экономиста и т.д.) может считаться состоятельной. Ему необходимо также хорошо знать особенности современного социогуманитарного знания, которые резко отличаются последнее от устаревшего примерно столет назад идеала точного естественнонаучного знания. Знать, в том числе, для того, чтобы ценить собственное профессиональное знание как *знание*, - а не просто набор случайных ситуативных приемов, разрушающих ценность идеала познания истины и размывающих целостность личности. Не секрет, что владение нужной суммой сведений на данную тему на сегодня не стало еще нормой культуры мышления, по крайней мере, для части специалистов.

Одно из самых «креативных» направлений философии культуры в заявленном контексте - ее обращение к искусству народов мира как наиболее непосредственному способу их самовыражения и самопознания. Понятно, что специалист-международник не может состояться без свободной ориентации в этих реалиях. И хотя значительная часть профессионалов в области международных отношений приходит к пониманию ценности искусства, как говорится, эмпирическим путем, - это не отменяет необходимости иметь в структуре элитного вуза самостоятельные курсы, поддерживающие и развивающие ориентацию студентов и слушателей в данном предметном поле.

Рост «спроса» на искусство сегодня особенно заметен в культуре повседневности, которая, помимо прочего, стоит перед острейшим запросом на взаимопонимание между представителями разных народов, оказавшихся в очередном пла-

вильном котле «межкультурной коммуникации». Причем начинает «плавиться» (приобретая транзитные формы, где сливаются и «сплющиваются» языки, понятия и ценности) сознание людей, вступающих во взаимодействие друг с другом не только в рамках непосредственно международной деятельности; но также в ходе обычного профессионального, бытового и релаксационного общения. При всех издержках мультикультуризма, грозящих, с одной стороны, национализмом, а с другой, - обезличиванием культур, лишенных стрессоустойчивости, кросскультурное взаимодействие - судьба народов в наши дни¹³.

Итак, межкультурная коммуникация больше не является прерогативой дипломатов - компетентность в этой области нужна даже тем, кто не собирается выезжать за пределы собственной страны. Все чаще она необходима для того, чтобы понимать (даже не «лучше», а просто - «понимать») своего коллегу или соседа, не нарушать правил толерантности из-за отсутствия элементарных знаний о структуре современного мира. В некотором смысле буквально каждый человек, претендующий на жизненный успех, сегодня вынужден быть «специалистом-международником»: без ориентации в системе координат философской компаративистики «не сварить кашу» ни в одной из производственных сфер. Сегодня даже дворники в Москве, - в большинстве своем представители таджикской диаспоры, - выступают в качестве контрагентов по отношению к сложившейся культурной среде, невольно включая и включаясь в систему межкультурной коммуникации. Таким образом, «не прагматичная» философия неожиданно выступает в роли «сверх-прагматики», знакомя коммуникаторов с «техникой безопасности» общения не только на уровне «как» (с чем успешно справляются этнопсихология, право и этикет), но и на уровне «почему?».

Искусство - в определенной мере, - способно выступить как тот язык, который может претендовать на универсальность. И дело здесь не только в его мнимой «общедоступности». Последняя связана с реализацией идеологического потенциала образных рядов, - что, как известно, весьма «токсично» для собственно художественного потенциала искусства. И восприятие, и понимание языка художественного творчества требует эмоциональной и интеллектуальной открытости, сравнимой разве что с философской сосредоточенностью. Вместе с тем, оно же требует, если можно так выразиться, наличия у субъекта восприятия «жизненного опыта», - навыков ориентации в разных смысловых и предметных средах. Просто неизвестное, незнакомое - неразлично. Совершенно герметичное самовыражение не сообщаемо. Это верно не только для описания аутизма, но и для понимания того, что чувственность через искусство все равно пользуется «гиперссылками» на «разграфленное» *понятиями* поле культуры.

Отсюда - необходимость использовать обра-

■ Образовательные модели МГИМО

зование для знакомства с различными языками культуры, культурными кодами, раскрывающими себя не только «лингвистически», но и через предметные ряды, арте-факты (не случайно сегодня спектр значений последнего слова расширен от сугубо искусствоведческого до историко-культурного!).

Искусство всегда имеет ярко выраженный цивилизационный «колерит», даже тогда (а может быть, особенно тогда), когда поднимается до высот общечеловеческого значения. Таким образом, усилия, которые требуются от человека для вхождения в поле мировой художественной культуры, прямо пропорциональны уровню его эмоционального развития, интеллектуальной зрелости и образования. Элитный вуз не может не учитывать эту особенность современных образовательных реалий. Думается, очевидным в условиях современной кризисной экономики является факт, что элитным можно считать лишь то образование, которое способно противопоставить размывающим тенденциям тотального «обнищания» антиэнтропийное стремление к поддержанию высокого уровня личностного развития. Четкая дисциплина ума и чувства, готовность к встрече с иным по отношению к привычному (опыт, который приобретается, в том числе, по мере освоения достижений мировой художественной культуры), - все это способствует поддержанию профессионализма специалиста-международника экстра-класса на должном уровне.

Тем более, что просто читать, считать или переводить сегодня (пока еще) неплохо умеют обычные выпускники хороших общеобразовательных школ. Специалист, чей диплом о высшем образовании «весит тяжело» и котируется выше среднего по мировым стандартам, более востребован еще и потому, что видит смыслы, не очевидные для «школяра». Колоссальной работе, которая ведется в этом направлении самим человеком, его семейным и дружеским окружением, хороший вуз должен предоставить дополнительную «страховку» - учебные курсы, способствующие поддержанию интереса к тому, что в целом было охарактеризовано выше как проблематика философии культуры. Включая при этом также эстетические, этические, религиоведческие и другие аспекты философского знания. «Строители будущего» (а в их число смело можно отнести выпускников элитных вузов), помимо прочего, ответственны за грамотное осмысление процессов, происходящих в культуре. В эпоху глобализации такое осмысление становится важным для выживания культуры как таковой; для поддержания устойчивого вектора экономического и политического развития стран и народов в сторону реализации положительных сценариев глобального будущего. В данной связи уместно подчеркнуть: поддержание личных духовных поисков «метастратегий современности» перестает сегодня считаться приватным занятием, обнажая свою сущность как сущность того дела,

которое, оставаясь личным, является условием спасения всех.

Одной из черт современной культуры, «раскапывающей» истоки вдохновения в компаративном обращении к иным эпохам и мирам, является ее «архаизация», ставшая одним из приемов освоения иных моделей социокультурного бытия в условиях тотального кризиса культуры. Тенденция архаизации отчетливо проявила себя в стилистических поисках художников П. Пикассо и Э. Кирхнера, философов З. Фрейда и К.Г. Юнга, музыкантов, биологов, социологов и т.д. Она оставила след не только в кубистических экспериментах Пикассо, воспроизводивших средствами живописи технику изготовления скульптур в мастерских Древнего Египта; не только в его же обращении к детальному копированию африканских масок и объединению принципа древнеегипетского барельефа «профиль – анфас – профиль» с достижениями европейского портрета, что создавало эффект мультипликации и «живой жизни» картины, как бы наделенной чертами магического тотема.

Стихийная архаизация захватила также социальные практики (тоталитарные государства Европы изоморфны культурным формам архаических деспотий); религиозную жизнь (вспомним языческую квазирелигию советского периода, поддержанное государством возрождение язычества в Германии времен Третьего рейха) и т.д. Упоминание этих фактов, очевидных самих по себе и спорных, разумеется, с точки зрения их оценок сквозь призму тех или иных «научных парадигм» (а проще говоря, философских мировоззрений), выделяет, как минимум, *две сферы*, в которых необходимо разобраться специалисту-международнику, если он хочет оставаться на высоте решения задач, диктуемых современностью, - и совместить при этом любовь к Родине с любовью ко «все более взаимозависимому» в век глобализации и информационной революции человечеству. Речь идет о процессах, происходящих в сфере *художественной культуры* и событиях, имеющих место в пространстве *религиозности*.

Заметим: «архаизация», охватившая европейское искусство и культуру в целом в последнее столетие, позволила вернуть в коммуникативное пространство взаимодействия народов и культур его «базы» - первые абстракции, созданные в пещерах Альтамиры 25 тысяч лет назад. Иконография современного городского пространства в этом случае выступает как «открытая библиотека», - подобно тому, как первыми «библиотеками» были, возможно, и первые наскальные рисунки. Правда, библиотеками далеко не такими доступными, как сейчас, - поскольку к упомянутым изображениям, как известно, было трудно добираться; скорее всего, перед нами – первые «священные тексты», уловившие разницу сознания и мира и открывшие коммуникативный простор иного по отношению к витально-бытовому – духовно-интеллектуального – уровня.

«Другой» онтологический уровень хранится, передается и поддерживается усилиями тех, кто с ним работает. Здесь художник стоит в одном ряду с получающим инициацию зрителем; им обоим через сакральное художественное сообщение открывается поле общения. Поле, удерживающее то общее, что, согласно Аристотелю, отличает людей от зверей. И в конечном итоге, по мысли русских философов 20 века, раскрывается через понятие собственно человеческого творчества, создающего культуру. Возможно, именно здесь коренится та парадоксальная связь, которая упорно воспроизводится на уровне бытового сознания (не случайно аналитическая философия велит прислушиваться к нему): «культура», «художественная культура», «культ».

Одним из наиболее заметных проявлений архаизированных форм культа выступает так называемая «антропологическая религиозность». Она - сложносоставная матрица общественной самоорганизации, проективно модулирующая социальную действительность путем создания особых духовно-аксиологических конструкций в рамках индивидуального и коллективного сознания. Феномен антропологической религиозности – дополнительное свидетельство того, что в современном мире все большее значение приобретет именно социокультурная идентификация, позволяющая ориентироваться в системе культуры не только личности, но целым народам и странам. Умение грамотно и своевременно определить вектор подобных идентификационных программ своих партнеров, соотнести их со своими собственными приоритетами – одна из насущных задач специалистов, работающих в сфере международных отношений. Еще раз подчеркнем: межкультурные взаимодействия охватывают еще более широкую сферу интеграции, чем международная, поскольку опираются также на внутренние процессы в области взаимодействия разных цивилизационно-культурных моделей и платформ.

При этом, с одной стороны, процессы унификации образа жизни, стандартизации мышления, стереотипизации образных рядов, будучи тесно связаны с глобализационным «витком» развития культуры, стремительно нивелируют своеобразие локальных культурных типов, провоцируя, вместе с тем, их активное ответное сопротивление («глокализацию»¹⁴). С другой стороны, возникают субкультуры-мутанты синкретического типа, что выявляет наличие в культуре сформированной потребности в культурном синтезе нового типа. В свете сказанного становится понятно, почему особую роль сегодня приобретает идентификационный механизм, поддерживающий в рамках общественной психологии линию многовекторного взаимодействия, с одной стороны, охранительных тенденций консервации культурного наследия – и, с другой стороны, громадного числа инновационных программ, проецирующихся на все уровни существования человека и социума. Как уже отмеча-

лось, антропологическая религиозность - один из элементов данного механизма.

В современной России данный способ общественной самоорганизации оказался особенно востребован по причине распада сложившихся в период XX века структурно-функциональных связей. По существу, позитивный потенциал руководящей роли партотократии, проникавшей административным «щупом» во все сферы жизни советского человека, стал в полной мере понятен только тогда, когда государство, в силу целого ряда причин, перестало выполнять свою социальную миссию. «Сжались» пенсии; вначале сократились, а потом и вовсе исчезли в большинстве регионов выплаты социальных детских пособий; почти полностью закрылась возможность приобретения социального жилья. «Демократизация» постсоветской России в период перестройки вызвала к жизни призрака «оголтелого капитализма», подчинение которому несовместимо с перспективной жизнью социума.

Соответственно, стихийный процесс общественной самоорганизации стал набирать обороты, рекрутируя людей под знамена, как правило, традиционных для каждой конкретной местности культов. В числе таких культов – языческие, что особенно ярко выражено в таких регионах, как Сибирь, Забайкалье и Закавказье. Впрочем, центральные районы РФ также не лишены распространения языческих социально-значимых религиозных культов¹⁵.

Сходную «антропологичность» приобретают здесь и традиционные мировые религии, нередко объединяющие и спасающие людей не только по духовному, но и по витальному направлениям. Так, специалисты говорят о возникновении внутри православия «ряда разных национальных религий»¹⁶ или даже о превращении его в национальную религию (об опасности последнего предупреждал в своих поздних работах русский философ Н. Бердяев¹⁷).

По сути, антропологическая религиозность представляет собой некоторую модель «невидимого мира», развернутую применительно к интересам и потребностям общества, современного такой «развертке». Соответственно, речь идет о гармонизации путем апелляции к некоей сверх авторитетной инстанции трудовых ритмов (поэзия, «наука как социальный институт», идеология); *властных отношений*, мимикрирующих под отношения самоорганизации (пиар, имиджмейкерство, социологические опросы, рейтинги) и т.д.

Для специалиста-международника немалый интерес может представлять культурологическое «картирование» религиозной ситуации в стратегически важных для России регионах, включая ее собственные (и особенно приграничные) районы. Особое место здесь занимают конкретные социолого-религиоведческие и культурологические исследования, сопряженные с необходимостью трезвой оценки современных социокультурных процессов, имеющих перспек-

■ Образовательные модели МГИМО

тивное значение в свете проблем национальной безопасности нашей страны¹⁸.

В целом вопрос о роли философии в процессе создания целостных взаимосвязанных программ элитного вуза сегодня не потерял своей актуальности еще и потому, что вуз сегодня – одно из наиболее очевидных «мест встречи» разных культур. И преподавательский состав, и студенты на практике нередко принадлежат к разным «локальным культурным типам» и уже в силу этого вынуждены опытным путем осваивать правила и методы межкультурной коммуникации. По понятным причинам МГИМО (Университет) более, чем любой другой вуз нашей страны, сталкивается с этой особенностью современности, имея, к тому же, богатый опыт работы с мультикультурной аудиторией. Являясь одной из ведущих исследовательских площадок, где осуществляется многоаспектное изучение процесса межкультурной коммуникации, наш Университет выступает также ведущим центром методологических и методических¹⁹, а также педагогических изысканий в данной области; осуществляя обширный комплекс инновационных разработок, в полном смысле ориентируясь на задачу «формирования интеллектуальных элит»²⁰.

Определяя себя по преимуществу как *исследовательский университет*²¹, широко опираясь на мировой опыт, МГИМО активно внедряет в свои программы научные результаты, полученные его сотрудниками. Как уже отмечалось, группой ученых и преподавателей Университета был подготовлен модульный Учебно-методический комплекс «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации», выстроенный по принципу определения ведущих «векторов дифференциации» коммуникативного процесса в этой сфере. В их число вошли векторы аксиологии, социологии, религиозной и политической идентификации, конфликтологии и политической лексикологии. Вместе с тем, очевидна неполнота базового модуля данного УМК – хотя бы в силу того, что в нем отсутствуют дополнительные модули, составленные по региональному признаку и учитывающие этические, эстетические и иные аспекты аспекта межкультурных исследований.

Примечательно, что аудитория Университета – студенты, магистранты, аспиранты и соискатели, а также лица, получающие второе высшее образование, – испытывает повышенный интерес к новейшим исследовательским достижениям в данных областях. Обладая (как правило) достаточно высоким уровнем общей культуры, что позволяет свободно ориентироваться в истории и теории вопроса, наши слушатели способны применить полученные знания в таких областях, как международное право, экономика, журналистика и т.д. Это позволяет говорить о перспективности идеи создания в МГИМО специализированного диссертационного совета по перечисленным направлениям в рамках объединяющего их проекта «Философии

культуры» и «культурологии».

Поскольку на сегодняшний день специализированный курс перечисленных выше дисциплин в Университете отсутствует, «культурологическое» наполнение нередко приобретают предметы, казалось бы, от нее далекие – логика, психология, история философии, риторика и теория аргументации. Вместе с тем, проявление интереса к процессам, происходящим в культуре, «вторжение» вопроса о судьбе культуры в другие сферы социокультурной деятельности способствует тому, что даже проблемы философии права оказывается иногда уместным подавать сквозь призму правовых норм, регулирующих современные параметры, к примеру, выставочной деятельности. Наглядность, чувственная «доступность» тем, представляемых здесь для обсуждения, осмысления и анализа дает значительный эффект при освоении правил логического рассуждения. Отдельного внимания заслуживает преподавание риторики, включающее в себя логические, психологические и филологические аспекты. Обращение к философским знаниям, использование философских категорий в данном контексте дает не только положительный учебный эффект, но также стимулирует развитие у слушателей навыков самостоятельной исследовательской работы. При этом философия культуры требует опоры на знания учащихся в области религиоведения, искусствоведения, лингвистики, филологии, психологии, регионоведения, социологии и политологии.

Концентрируя внимание на деталях и специфике взаимодействия перечисленных научных направлений и учебных дисциплин, обобщая их данные по принципу выделения квинтэссенции непосредственно из культурного субстрата, философия культуры позволяет «превзойти» этнографизм как усеченный вариант изучения локальных культур. Сохранив, вместе с тем, его основное звено – интерес к самостоющему ядру данной культуры как неповторимому своеобразной целостности, концентрирующейся в личном пространстве, в объединяющем «поле тяготения» микро- и макро- групп. В этом изначальном парадоксе философского подхода, возвращающего самосознание культуры к идеалу мудреца, возможно, кроется не только его слабость, но и его сила.

Silantieva M.V. MGIMO Elit Education: Philosophical-culturological Ways to the Problem

Summary: The article investigates the role and functions of philosophy in the space of the modern elite education. There is particular view on educational models in Russia and foreign countries in the article, connecting with innovations in the sphere of teaching covered here. Philosophy of culture as teaching course is relevant to the context of the research university conception. These singularities are promoted to educations quality growing especially in conditions of the overcome of the global economic crisis.

Ключевые слова

межкультурная коммуникация, философия культуры, философия науки, антропологическая религиозность, современное искусство, качество образования, элитное образование.

Keywords

Cross-cultural communication, philosophy of culture, philosophy of science, anthropological religiosity, modern art, the quality of education, elite education

Примечания

1. См.: Торкунов А.В. Новая Россия в новом мире / Торкунов А.В. По дороге в будущее. М., 2010. С.143.
2. См.: Торкунов А.В. От Третьего Рима к мировому городу / Торкунов А.В. По дороге в будущее. М., 2010. С.223.
3. См., например: Височан Н.Н., Егорова Ю.А. Нужно ли изучать философию? // II Общероссийская студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 15 – 20 февраля 2010 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rae.ru/forum2010/39/666> (дата обращения 21.10.2010).
4. Подробный анализ отношений науки, власти и идеологии подробно проанализирован в статье: Александров Д.А., Колчинский Э.И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru/science/2006/02/06/alexandrov.html> (дата обращения 26.10.2010).
5. См.: Ashley Charpo// Oh, the humanities //The Cavalier Daily. Serving the University of Virginia community since 1890 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cavalierdaily.com/2010/10/22/oh-the-humanities-2/> (дата обращения 26.10.2010).
6. См.: [Электронный ресурс] URL: <http://www.yastudent.ru/articles/2/11/438.html> (дата обращения 26.10.2010).
7. [Электронный ресурс] URL: <http://www.meganom.org/useful/education/302.html> (дата обращения 27.10.2010).
8. См.: Московскому университету нужен особый статус. Интервью с В.В. Мироновым // [Электронный ресурс] URL: http://www.philos.msu.ru/fac/varia/interv/mironov/mironov_7.html (дата обращения 26.10.2010).
9. См.: Ассоциированные школы ЮНЕСКО и международное образование. Сборник материалов и документов (издание второе). М.: Этносфера, 2004. С. 43- 57.
10. См., например: Фалин В.В. Социокультурный аспект изучения коммуникационных процессов в современном российском обществе. Автореф... кандидата культурологи. М., 2009. С. 3-17; Кузнецова Н. А. Расширение гуманитарных технологий на основе компетентного подхода. // Интернет-журнал "Эйдос". - 2006. - 1 сентября. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm>. Дата обращения 20.10.2009; Мартынова О.С. Менеджмент качества как гуманитарная технология. [Электронный ресурс] URL: <http://quality.petsu.ru/file/206/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84.ppt> (дата обращения 01.11.2009).
11. См.: Громов М.Н., Козлов Н.Ф. История русской мысли IX-XVII вв. М., 1990.
12. См., например: Цзинь Синьсюнь. Роль гуманитарных ценностей конфуцианства в развитии духовной культуры студенчества (на материале вузов Внутренней Монголии КНР). Автореферат на соискание ученой степени кандидата культурологи. Чита, 2009. С.4-5, 12-16.
13. См.: Дмитрий Бабищ. Поражение мультикультуризма? [Электронный ресурс] URL: <http://www.rian.ru/authors/20101020/287486460.htm> (дата обращения 24.10.2010).
14. Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001. С.92.
15. См., напр.: Атлас религиозной жизни России. Т.2. Отв. Ред. М. Бурдо, С. Филатов. М., 2006. С.680-686.
16. Бибихин В.В. Грамматика поэзии// Новое русское слово. СПб., С.557.
17. Например: Бердяев Н.А. Демократия, социализм и теократия // Н.А. Бердяев Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С.481.
18. См., напр.: Арзуманов И.А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX-XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования. Иркутск, 2006; Ерьсько М.Н. Язык религии: смысл и символ (Опыт онтосемантического анализа). Тюмень, 2007; Она же. Специфика религиозной репрезентации: семантика и онтология // Религиоведение. 2008. № 2. С. 95-107.
19. Шестопал А.В. Выступление на 13 Шишкинских чтениях /Самарин А.Н. Фундаментальность гуманитарного знания – основа инновационного обновления системы высшего образования. / Обзор 13 Ежегодных Шишкинских чтений, состоявшихся в МГИМО-университете МИД России 22 декабря 2007 / А.Н. Самарин / Право и управление. XXI век. 2008. №1 (6). С.97. См. также: [Электронный ресурс] URL: old.mgimo.ru/kf/docs/social_conflicts.htm Дата обращения 26.12.2010.
20. Ашин Г.К. Выступление на 13 Шишкинских чтениях /Самарин А.Н. Фундаментальность гуманитарного знания – основа инновационного обновления системы высшего образования. / Обзор 13 Ежегодных Шишкинских чтений, состоявшихся в МГИМО-университете МИД России 22 декабря 2007 / А.Н. Самарин / Право и управление. XXI век. 2008. №1 (6). С.99.
21. Глаголев В.С. США: современные проблемы развития интеллектуально-психологического потенциала // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО: Сборник научных статей/ МГИМО (У) МИД России; Под ред. Г.К. Ашина, С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 2002. С. 165-188. Он же. Обучение в высшей школе США: опыт университета штата Техас города Остин // Право и управление. XXI век. №2 (11) 2009. С.30-17.